

Роковая музыка

Предыстория

Эта повесть о том, что было.

А вот что было до того, как все случилось...

...Однажды Смерть Плоского мира — по понятным ему одному причинам — спас жизнь маленькой девочке. Ту девочку он привел в свой дом между измерениями, где позволил ей вырасти до шестнадцати лет, — поскольку считал, что подростки доставляют меньше хлопот, чем малыши, из чего мы делаем следующий вывод: можно быть бессмертной антропоморфической сущностью и тем не менее ошибаться в простейших, так сказать, смертных вопросах...

...Позднее он взял себе ученика по имени Мортимер, или, сокращенно, Мор. Между Изабель и новым учеником Смерти мгновенно возникла взаимная неприязнь, но все мы прекрасно знаем, чем заканчиваются подобные отношения. В качестве заместителя Мрачного Жнеца Мор потерпел сокрушительное поражение, приведшее к некоторому искажению Реальности и поединку между Смертью и его бывшим учеником. И в поединке этом Мор опять-таки потерпел поражение...

...Однако Смерть — все по тем же, понятным лишь ему одному, причинам — сохранил Мору жизнь, вернув его и Изабель обратно в реальный мир.

Никому не известно, с чего вдруг Смерть заинтересовался человеческими существами, с которыми работал на протяжении долгих лет. Вероятно, причиной тому обычное любопытство. Даже самый опытный крысолов рано или поздно начинает искренне интересоваться крысами, которых прежде беспощадно уничтожал. Впрочем, можно сколь угодно долго наблюдать за крысами, записывать каждую подробность их жизни, но так и не понять, какво это на самом деле — бегать по лабиринту.

Впрочем, если верно утверждение о том, что простое наблюдение изменяет объект наблюдения¹, значит, наблюдатель тем более должен измениться.

Мор и Изабель поженились.

И у них родился ребенок.

А еще это повесть о сексе, наркотиках и Музыкае, В Которой Слышится Глас Рока.

Э-э...

...Ну, одно из трех — не так уж и плохо, правда?

Конечно, это каких-то жалких тридцать три процента, но все ведь могло быть куда хуже.

Чем все закончилось?

А закончилось все одной темной дождливой ночью. Карета, проломив хлипкую, по сути дела бесполезную, ограду, падает с обрыва. Кувыркаясь в воздухе, она достигает далекого дна ущелья — пересохшего русла реки, — где и рассыпается на части.

Госпожа Ноно нервно перебирала бумаги.

Вот сочинение. Шестилетней девочки.

«Што мы делали на каникулах: На каникулах я костила у дедушки, у него есть большая белая лошадь и сад, чорный-причорный. Мы ели яица и чипсы».

Вспыхивает вытекшее из каретных фонарей масло, раздается взрыв, и из клубов едкого дыма — трагедия тоже подчиняется законам жанра — выкатывается горящее колесо.

А вот картинка. Которую нарисовала девочка в возрасте семи лет. Сплошные черные тона. Госпожа Ноно недовольно фыркнула. Щеботанский колледж для молодых барышень закупал самые дорогие карандаши. Разумеется, всех цветов и оттенков. Но девочка словно назло выбрала черный.

Последний из угольков с тихим треском щелкает, затухает, и воцаряется тишина.

И тут появляется наблюдатель.

---

¹ А все из-за каких-то мелких квантов.

— ДА. Я МОГ ЧТО-НИБУДЬ СДЕЛАТЬ, — бросает он кому-то, скрывающемуся во тьме.

После чего уезжает на лошади прочь.

Госпожа Ноно снова зашуршала бумагами. Она чувствовала себя абсолютно сбитой с толку, она нервничала — впрочем, подобным образом вел бы себя любой нормальный человек, столкнувшийся с этой девчонкой. Обычно бумаги успокаивали ее. Они — сама надежность, на них всегда можно положиться.

Но этот несчастный случай...

Госпожа Ноно не в первый раз оказывалась в такой ситуации. Когда руководишь большим пансионом, время от времени приходится сталкиваться со всякого рода неприятными известиями. Родители многих девочек частенько уезжают за границу, дела могут быть самыми разными, но зачастую большие деньги чреваты встречами со всякими неприятными людьми.

И госпожа Ноно знала, как вести себя в подобных случаях. Это больно, но не смертельно. Сначала — потрясение, слезы, а затем все постепенно рассасывается. Люди умеют справляться с такого рода новостями. В человеческий мозг заложен специальный сценарий, предусматривающий подобные случаи. И жизнь продолжается.

Но эта девочка была абсолютно спокойна. И подчеркнуто *вежлива*. Кошмарный ребенок! О нет, госпожа Ноно не была лишена сочувствия — несмотря на то что всю свою жизнь посвятила делу образования, — однако ж есть приличия, которые нужно блюсти... Госпожа Ноно точно знала, как следует вести себя в подобных ситуациях, но эта девчонка никак себя не вела, поэтому управительница *слегка* волновалась.

— Э... наверное, тебе хочется побыть одной, поплакать? — подсказала госпожа Ноно, пытаясь направить ход событий в нужное русло.

— А это поможет? — спросила Сьюзен.

Госпоже Ноно это помогло бы. Определенно помогло бы.

— Кажется, ты не до конца поняла то, что я тебе сказала?.. — только и смогла вымолвить она.

Девочка долго смотрела на потолок, словно пытается решить в уме сложную алгебраическую задачу.

— Я работаю над этим, — наконец отозвалась она.

Она как будто все знала заранее — и заранее все для себя решила. Потом госпожа Ноно попросила учителей присмотреть за Сьюзен, но услышала в ответ, что сделать это будет довольно трудно, поскольку...

В дверь кабинета госпожи Ноно кто-то постучал — нерешительно, словно не хотел, чтобы стук был услышан. Управительница отвлеклась от воспоминаний и усилием воли вернулась в настоящее.

— Войдите.

Дверь распахнулась.

Сьюзен всегда приближалась бесшумно. Это отмечали все учителя. «Жуть какая-то, — говорили они. — Она возникает перед тобой, когда ты меньше всего ожидаешь этого».

— А, Сьюзен, — кивнула госпожа Ноно, и по ее лицу, как нервный тик по пугливой овце, пробежала улыбка. — Присаживайся, прошу тебя.

— Конечно, госпожа Ноно.

Госпожа Ноно переложила пару бумажек с места на место.

— Сьюзен...

— Да, госпожа Ноно?

— С сожалением вынуждена отметить, что тебя снова не было на уроках.

— Я вас не понимаю, госпожа Ноно.

Управительница наклонилась вперед. Конечно, ребенок пережил такое потрясение, однако... в этой девочке было что-то откровенно неприятное. Сьюзен блестяще успевала, но только по предметам, которые ей нравились. Настоящий алмаз — сплошные острые грани и холод внутри.

— Ты опять... за свое? — спросила она. — Ты же обещала, что прекратишь эти глупости.

— Госпожа Ноно?

— Ты снова становилась невидимой?

Сьюзен покраснела. Как и госпожа Ноно, правда, та — в меньшей степени. «Совершенно нелепая ситуация, — возмущенно подумала управительница. — Мне-то что краснеть? И... О нет...»

Она несколько раз недоуменно моргнула.

— Да, госпожа Ноно? — сказала Сьюзен буквально за мгновение до того, как госпожа Ноно окликнула:

— Сьюзен?

Госпожа Ноно содрогнулась. Про это учителя тоже рассказывали. Иногда Сьюзен отвечала на вопросы прежде, чем их задавали...

Управительница попыталась взять себя в руки.

— Ты ведь все еще здесь?

— Конечно, госпожа Ноно.

Совершенно нелепая ситуация...

«Невидимость здесь ни при чем, — твердо сказала себе госпожа Ноно. — Просто... она умеет становиться незаметной. Эта девочка... Она... Но с кем я...»

Управительница перевела дыхание и сосредоточилась. Именно на такой случай она составила памятную записку, которую прикрепила к личному делу девочки.

«*Ты разговариваешь со Сьюзен Сто Гелитской, — прочитала госпожа Ноно. — Постарайся не забыть об этом*».

— Сьюзен? — наконец отважилась позвать она.

— Да, госпожа Ноно?

Сосредоточившись, госпожа Ноно снова увидела сидящую перед ней Сьюзен. А приложив еще немножко усилий, она даже услышала голос девочки. Тут главное было избавиться от навязчивого впечатления, что она, госпожа Ноно, в кабинете одна.

— Боюсь, у госпожи Гурец и госпожи Греггс есть к тебе ряд претензий, — с трудом выдавила она.

— Я посещаю все занятия, госпожа Ноно.

— Наверное, так. Госпожа Изменна и госпожа Штамп говорят, что ты не пропускаешь ни одного их урока.

По этому поводу в учительской не раз вспыхивали споры.

— А все потому, что тебе нравятся логика и математика и не нравятся уроки по языку и истории?

Госпожа Ноно снова попыталась взять себя в руки. Девочка никак не могла покинуть кабинет. Чутьочку воображения, и...

— Не знаю, госпожа Ноно, — раздался едва слышный голос.

— Сьюзен, ты меня крайне огорчаешь. Ведь...

Госпожа Ноно замолчала, потом оглядела кабинет, бросила взгляд на записку, прикрепленную к пачке бумаг, вроде бы даже прочла ее, после чего, мгновение поколебавшись, скомкала листок бумаги и бросила в корзину для мусора. Взяв со стола ручку, госпожа Ноно некоторое время смотрела в пустоту, а затем занялась проверкой школьных счетов.

Вежливо выждав некоторое время, Сьюзен тихонько выскользнула из кабинета.

Определенные события должны происходить раньше других. Боги играют судьбами людей, но сначала нужно расставить на доске все фигуры и найти кости.

В маленьком гористом государстве Ламедос шел дождь. В Ламедосе всегда шел дождь. Дождь был основной статьей экспорта Ламедоса. Тут даже располагались знаменитые дождевые рудники.

Дион сидел под вечнозеленым деревом скорее по привычке, нежели в надежде укрыться от дождя. Вода капала с иголок, ручейками стекала по ветвям — дерево служило своего рода концентратором влаги. Иногда на голову начинающего барда шлепались целые *комья* дождя.

Ему было восемнадцать, он был исключительно талантлив и совершенно не знал, что делать со своей жизнью.

Он настроил арфу, свою новую прекрасную арфу, и сейчас смотрел на дождь, капли которого стекали по его щекам, смешиваясь со слезами.

Боги *обожают* таких персонажей.

Говорят, боги, желая уничтожить человека, сначала лишают его разума. На самом же деле боги вручают такому человеку некое подобие шашки с дымящимся фитилем и надписью «Динамитная компания Акме». Так гораздо интереснее и значительно быстрее.

Сюзен слонялась по воняющим хлоркой коридорам. Ее не особо беспокоило, что подумает госпожа Ноно. Ее никогда не беспокоило, что думают другие. Сюзен сама не знала, как так выходит, что люди забывают о ней, стоит ей того пожелать. А на ее вопросы никто не отвечал, почему-то все очень смущались, когда она затрагивала эту тему.

Некоторые учителя словно не видели ее. И Сюзен это вполне устраивало. Обычно она брала с собой в класс книгу и спокойно читала, пока другие ученики изучали основные статьи клатчского экспорта.

Арфа была поистине прекрасной. Таким инструментом мог бы гордиться любой мастер: ничего не отнимешь, ничего не прибавишь — в общем, настоящий шедевр. Человек, создавший его, не утруждал себя всякими завитушками и позолотой, и правильно: на этой арфе любые украшения выглядели бы кощунственными.

А еще арфа была новой — достаточно необычный факт, ведь в основном арфы были старыми. Старыми не в том смысле, что с инструментами плохо обращались, нет, просто... Иногда нужно заменить корпус или гриф, натянуть новые струны, ничего страшного, но сама арфа от этого не молодеет. Опытные барды утверждают, что чем старше арфа, тем лучше, однако старики вечно говорят что-нибудь подобное.

Дион щипнул струну. Нота повисла в воздухе и медленно стихала. Арфа была новенькой, блестящей, но звенела как колокольчик. А как она будет звучать, скажем, лет этак через сто?!

Чепуха все это, сказал отец. В земле наше будущее, а не в каких-то там нотах.

И это было лишь началом...

Потом он сказал еще что-то, а потом Дион что-то сказал, и мир вдруг изменился, стал новым, неприятным, потому что сказанные слова обратно не воротишь.

«Ты ничего не понимаешь! — сказал Дион. — Старый дурак! Я посвящу свою жизнь музыке! И очень скоро люди заговорят обо мне как о величайшем музыканте всех времен!»

Глупые слова... Как будто настоящего барда заботит мнение других людей. Нет, судить его могут только те, кто всю жизнь слушает музыку, живет ею, то есть другие барды.

Но тем не менее слова были произнесены. А если слова произнести с нужным чувством и богам в этот самый момент нечем больше заняться, то вселенная может вдруг измениться соответственно твоей воле. Слова имеют власть над миром.

Будь осторожен в своих желаниях, ведь неизвестно, кто может их услышать.

Или что.

А вдруг нечто, плывущее по вселенной, услышит слова, сказанные в нужный момент не тем человеком, и решит сменить свой курс?..

Далеко-далеко, в суматошном Анк-Морпорке, по голой стене пробежали искры, и...

...Возникла лавка. Лавка старых музыкальных инструментов. И никто не заметил ее появления. Всем казалось, что она была тут всегда.

Смерть сидел и смотрел в пустоту, подперев костлявый подбородок руками.

Альберт на цыпочках, стараясь не шуметь, приблизился к хозяину.

В особо созерцательные моменты, а сейчас был именно такой момент, Смерть не переставал удивляться поведению своего слуги.

«ОСОБЕННО УЧИТЫВАЯ РАЗМЕРЫ КОМНАТЫ...» — добавил он про себя.

...Которая была бесконечной — ну, или настолько бесконечной, что ее размеры теряли значение. На самом деле кабинет был площадью в милю. Честно говоря, неплохие результаты для комнаты. Обычные люди называют такое бесконечностью.

Создавая свой дом, Смерть кое-что напутал. Временем и пространством нужно управлять, а не подчиняться им. Так что вну-

тренние размеры были заданы с размахом. Он забыл сделать дом больше снаружи, чем внутри. То же самое с садом. Изучив данные вопросы несколько внимательнее, Смерть отчасти начал понимать роль, которую люди придавали цветам в отношении таких концепций, как, допустим, розы. Тем не менее он создал их черными. Ему вообще нравился черный цвет. Прекрасно гармонирует со всеми цветами. Рано или поздно он идет всем.

Но все известные ему люди, а таковых было немного, как-то странно реагировали на невообразимые размеры комнат — они их просто не замечали.

Взять, к примеру, Альберта. Открылась огромная дверь, вошел Альберт, осторожно неся чашку на блюдце...

...И в следующее мгновение оказался у края *относительно* небольшого ковра, окружавшего письменный стол Смерти. Смерть уже отчаялся понять, каким образом Альберт так быстро пересекает разделяющее их пространство, как вдруг до него дошло, что для его слуги этого пространства просто не существует...

— Я принес настой ромашки, хозяин, — сказал Альберт.

— ГМ-М?

— Хозяин?

— ИЗВИНИ. ЗАДУМАЛСЯ. ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?

— Настой ромашки.

— Я ДУМАЛ, РОМАШКУ ДОБАВЛЯЮТ В МЫЛО.

— Можно добавить в мыло, можно в чай, хозяин, — сказал Альберт.

Он встревоженно посмотрел на своего господина. Альберт неодобрительно относился ко всяким созерцательным настроениям. Размышления вообще ни к чему хорошему не приводят, а размышления Смерти — тем более.

— КАКОЙ ПОЛЕЗНЫЙ ЦВЕТОК. ОЧИЩАЕТ СНАРУЖИ, ОЧИЩАЕТ ИЗНУТРИ.

Смерть снова опустил подбородок на ладони.

— Хозяин? — немного погодя окликнул Альберт.

— ГМ?

— Он остынет, хозяин.

— АЛЬБЕРТ...

— Да, хозяин?

— Я ТУТ ПОРАЗМЫСЛИЛ...

— Хозяин?

— ВОТ ЕСЛИ ЧЕСТНО, ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО? Я СЕРЬЕЗНО — ЗАЧЕМ?

— О-о... Э-э... Не могу знать, хозяин.

— Я НЕ ХОТЕЛ ЭТОГО, АЛЬБЕРТ. И ТЕБЕ ЭТО ПРЕКРАСНО ИЗВЕСТНО. ТЕПЕРЬ Я ПОНИМАЮ, ЧТО ОНА ИМЕЛА В ВИДУ. И ВИНОВАТЫ ТУТ НЕ ТОЛЬКО КОЛЕНИ.

— О ком ты говоришь, хозяин?

Никакого ответа.

На пороге кабинета Альберт оглянулся. Смерть пристально смотрел в пространство. Никто не умеет смотреть так, как он.

То, что ее не видели, большой проблемы не представляло. Сьюзен куда больше волновало то, что видела *она*.

Во-первых, сны. Конечно, сны — это не более чем... сны. Сьюзен знала, что современная наука считает сны изображениями, которые были отброшены за ненадобностью, пока мозг сортировал события прошедшего дня. Но ей было бы куда спокойнее, если бы эти самые события хоть раз включали в себя парящих белых лошадей, огромные мрачные комнаты и безумное количество черепов.

Это что касается снов. Но она видела не только сны. Например, она так никому и не рассказала о странной девушке, появившейся в спальне в ту ночь, когда Ребекка Шнелль положила под подушку выпавший зуб. Девушка смахивала на молочницу и была совсем не страшной, несмотря на то что с легкостью проходила *сквозь* мебель. Что-то звякнуло. На следующее утро зуб исчез, а Ребекка разбогатела на пятидесятипенсовую монету.

Такие штуки Сьюзен терпеть не могла. Она, разумеется, слышала всякие глупые сказки о зубной фее, которые рассказывают умственно отсталые родители своим детишкам. Но из этих сказок вовсе не следует, что зубная фея действительно существует! Что Сьюзен действительно презирала, так это подобные глупости. За что подвергалась гонениям со стороны режима госпожи Ноно.

Впрочем, нельзя сказать, что режим этот был таким уж строгим. Госпожа Эвлалия Ноно и ее коллега госпожа Перекрест основали колледж, когда им в головы пришла поразительная идея, состоявшая в следующем: в связи с тем, что девочкам до замужества все равно делать нечего, они вполне могут заняться образованием.

В мире было великое множество школ, но всеми руководили либо различные церкви, либо гильдии. Церковное образование госпожа Ноно не одобряла по вполне логичным причинам, а единственными гильдиями, считавшими обучение девочек стоящим делом, были Гильдия Воров и Гильдия Швей. Тогда как мир — это огромное и крайне опасное место, и девочкам не помешает выйти в него с надежными знаниями геометрии и астрономии под кор-